

На правах рукописи

КАБЫЛИНСКИЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ

АНТРОПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА
(философско-антропологический анализ)

Специальность 5.7.8. –
философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Белград – 2021

**Работа выполнена в Институте политических исследований
(Белград, Сербия)**

Научный консультант: Стефан Рапаич – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института политических исследований, руководитель Международного центра антропологии

Официальные оппоненты: – **Идиев Хайридин Усмонович** – доктор философских наук, профессор, Зам. председателя комитета по международным делам, общественным объединением и информации Маджлиси намояндагон, Маджлиси оли Республики Таджикистан (Парламент);

Диноршоева Зарина Мусоевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Российско-Таджикского (Славянского) университета;

Карамхудоев Шукрат Худоназарбекович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и политологии Таджикского государственного института языков им.С.Улугзаде

Ведущая организация: Таджикский национальный университет, кафедра онтологии и теории познания

Защита диссертации состоится « ___ » _____ 2021 г. в **13.00** часов на заседании Диссертационного совета 73.1.006.01 (Д. 047.019.02) по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора, кандидата философских наук при Институте философии, политологии и права им.А.Баховаддинова Национальной Академии Наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганди Национальной Академии Наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 33) и на сайте Института www.ifppant.tj.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2021 г.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук**

Зиёева З.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Трансформация конфликтной реальности в эпоху постмодерна под влиянием глобализационных изменений культурного дискурса провоцирует гуманитарные научные дисциплины выйти за рамки сформировавшихся границ традиционных эпистемологических структур. Информатизация и диджитализация процессов коммуникации наряду с другими существенными изменениями культурного дискурса переориентируют субъективное восприятие конфликтности и стимулируют процессы возникновения новых конфликтных паттернов в социальной, политической и экономической сферах повседневного бытия. Логика изменений конфликтного поведения сигнализирует о необходимости концептуального переосмысления способов постижения конфликтной реальности, выражаясь хайдеггеровским языком, через раскрытие ее собственной потаенности. Достижение этой цели предполагает поэтапное решение комплекса задач по выстраиванию эпистемологической структуры знания о феномене конфликта и интеграции в единое целое разобщенных концептов из области философской антропологии и философии культуры.

На этапе современного развития теория конфликта формирует собственный эпистемологический ориентир и стремится обрести независимость от методологического аппарата таких смежных дисциплин изучения сущностных аспектов противостояния Я и Другого, как социология, политология, психология. Актуальность диссертационного исследования состоит в том, что в работе впервые показаны возможности антропологической, эпистемологической и культур-философской аналитики конфликта на основании его собственных категорий, принадлежащих исключительно я-в-конфликтности в ноэматическом и ноэтическом смыслах. Такой подход создает для теории конфликта возможности приближения к

точной интерпретации «конфликтной самости» и создает условия для антропологической достоверности.

Принципиальное изменение субъективного восприятия темпоральности и расширение пространства для я-в-конфликтности в новейшей истории вынуждает сознание, рефлексирующее об этом феномене с научных позиций, констатировать фактическую архаичность доступных инструментов и форм познания. Движение теории конфликта в направлении к снятию данного затруднения и навстречу инициализации механизма самообновления перестраивается в сторону переориентации исследовательской парадигмы на постижение нюансов бытия я-в-конфликтности. Антропологическая составляющая теории конфликта при условии нахождения я-в-конфликтности на центральной позиции в системе профильного знания детерминирует фокусирование научно-исследовательского интереса на партикулярных особенностях экзистирования субъекта в состоянии антагонизма с Другим, и тогда знание о конфликте становится явным и выводится из его собственных категорий, а не внешних событий, условий, факторов, причин и следствий.

Для современной философии конфликта исключительно важно выработать представление об алгоритмах предупреждения, нивелирования и снятия конфликтных противоречий. Инвариантность и крайняя степень плюрализма форм актуализации противоречий в современных реалиях предлагают теории конфликта сделать выбор в пользу обновления эпистемологической конструкции знания о практических аспектах конфликто разрешения, либо согласиться на неизбежное превращение в акцидентальную отрасль гуманитарного знания.

Конфликт как феномен научного познания постигается не только с позиций антропологического анализа как частный случай экзистенции, но также предоставляет широкие возможности для исследования в рамках философии культуры. Универсальные закономерности антагонизма между Я и Другим, продиктованные спецификой культурных реалий, а также

обратный процесс модификации культуры в зависимости от динамики конфликта, при условии всестороннего изучения этих процессов, позволяют сформировать автономную эпистемологическую структуру знания о собственном конфликте и вариативности проявлений конфликтной экзистенции в современном мире.

С учетом вышесказанного, парадигма изучения конфликтности может освободиться от акцидентального статуса, навязанного доминированием в политологической, социологической, психологической терминологии в системе гуманитарных наук. В этом случае феномен конфликта, оформившийся в виде независимого концепта, станет аккумулировать теоретическое и практическое знание о конфликтной экзистенции в единую эпистемологическую сеть.

В XXI веке набирают силу технологии управления и манипулирования массовым сознанием. С учетом неочевидности мнений относительно роли и места субъекта в современном мире и умножения веры в сомнительность права индивида на реальность собственного бытия, увеличиваются риски возрастания экзистенциального трагизма на интерсубъективном уровне и подрыва общественных, государственных устоев, не выдерживающих эскалации внутривнутриполитического напряжения, сгенерированного внешними деструктивными силами. В данной связи антропологическая и культур-философская аналитика конфликтности позволяет учитывать теоретические знания в процессе устранения факторов конфликтности на всех уровнях социального бытия.

Степень разработанности проблемы. Феномен конфликта редко фигурирует в научных исследованиях на правах автономного предмета философского исследования. Безусловно, сущностные аспекты конфликтного бытия упоминаются в классических исследовательских работах, но теоретическая отрывочность и структурная неполнота сведений о фундаментальных характеристиках я-в-конфликтности указывают на необходимость формирования цельной эпистемологической структуры

научного знания. При этом в новейшей исследовательской традиции конфликта намечается постепенное возрастание интереса к данному феномену, но по-прежнему может быть зафиксирована некоторая маргинальность тематики конфликтного соприсутствия Я и Другого в системе философского знания. В данной связи степень разработанности исследуемой темы может быть определена как недостаточная, поэтому в ходе аналитической работы с непрофильными источниками научных сведений о конфликте необходимо аккуратно редуцировать многообразие исходных смыслов с целью выделения антропологических предпосылок для последующего формирования независимых философских концептов.

С историографических позиций допустимо утверждать, что вводные положения для формирования антропологических концепций я-в-конфликтности содержатся в философии экзистенциализма Ж.-П.Сартра, М. Мерло-Понти, С.Кьеркегора, А.Камю, Э.Гуссерля, К.Ясперса. С учетом этих классических работ, представляется возможным создание концептуального наброска теории времени и пространства в конфликте посредством изучения и систематизации экзистенциальных тематических исследований В.Н.Ярской, Н.Н.Трубникова, А.М.Мостепаненко, В.И.Молчанова, Л.Н.Любинской, С.В.Лепилина, В.А.Канке, П.П.Гайдено, Е.А.Агафонова, В.В.Афанасьева, Е.А.Пилипенко, Л.М.Сапожниковой, Ю.А.Никифорова.

Философская проблематика телесности Я и Другого в ходе негативного соприсутствия косвенно упоминается в работах П.Ф.Стросона, Д.Э.Гаспаряна, Е.А.Капичиной, И.В.Кузина, А.И.Макарова, А.А.Торопова, О.В.Поповой, О.Е.Столяровой.

Экзистенциальное соприсутствие Я и Другого в повседневном бытии исследуется такими авторами, как М.Хоркхаймер, Д.Хофштадтер, А. Хольцхей-Кунц, Е.Г.Соколов, А.Л.Андреев, М.А.Смирнова.

Философская специфика мышления и конфликтного расположения, а также экзистенциальные нюансы коммуникативного взаимодействия Я и

Другого в конфликте отражены в исследованиях Ю.Хабермаса, П.Тиллиха, В.Франкла, Р.Мэя, О.А.Власовой, А.Ю.Байбородова, Б.Н.Совакова.

Крайне полезные и продуктивные замечания относительно сущности экзистенциальной речи субъектов в конфликтном соприсутствии представлены в трудах П.Рикера, Н.А.Купиной, М.Б.Хомякова, Ф.И.Гиренка, В.Г.Водопьяна.

С эпистемологической точки зрения на природу конфликта, необходимо заметить, что большой потенциал для научного развития данной темы содержится в работах М.Фуко, раскрывшего философскую сущность принципов формирования современного научного знания. Основываясь в ходе исследования конфликтности на археологическом методе М.Фуко, необходимо также всесторонне учитывать эпистемологические исследования И.Лакатоса, Т.А.Ван Дейка, Л.Бинсвангера, Р.Куна, З.А.Сокулер.

В области отечественной эпистемологии и философской методологии основными работами, значимыми для нашей темы, являются исследования В.Д.Плахова, А.П.Огурцова, В.М.Розина, И.Т.Касавиной, Т.П.Лолаева, А.Л.Моуравова, Е.И.Шашловой.

Следует также отметить, что во многих философских работах авторы уделяют внимание аксиологии конфликта, достаточно упомянуть, например, труды Л.А.Микешиной, И.В.Дмитревской, М.С.Васильевой, М.Д.Кораблевой, И.М.Невлевой, Ж.С.Кохан, Е.М.Николаевой, П.С.Котляр, А.Я.Флиера.

Философско-культурная проблематика конфликтного бытия фигурирует в классических философских трудах и современных научных исследованиях М.С.Кагана, П.А.Амбаровской, Г.Е.Зборовского, В.И.Аршинова, П.И.Балабанова, О.В.Басалаева.

Безусловно, следует всесторонне учитывать исследователей в области философской антропологии, например, А.Р.Рэдклифф-Брауна, Б.В.Маркова, П.С.Гуревича, А.П.Воеводина, М.Н.Лященко, Ю.Л.Сироткина.

Логика социокультурных изменений современного конфликтного дискурса находится в центре внимания таких авторов, как Л.А.Софронова, С.А.Нижников, А.С.Иванова, Е.В.Пенионжек, Е.Н.Ищенко, Ж.К.Кениспаев, А.А.Ушкарев, Т.Э.Рагозина.

Примыкают к этому направлению зарубежная и отечественная философская традиция постижения цифровой природы конфликтного бытия в лице таких авторов, как Д.И.Дубровский, В.А.Лекторский, Н.М.Баданова, Е.Н.Богданов, С.П.Фирсов, А.И.Нестеров, К.П.Шевцов, а также концепции А.Ю.Севальникова, Л.Мамфорда, В.Г.Горохова, Н.И.Гендиной, Н.И.Колковой, Л.Н.Рябцевой, В.В.Чешевой, А.А.Трунова, Т.М.Сидоркиной, Е.Н.Ломшиной, отражающие противоречивость механизмов сопряжения антропологического и технократического начал в современном мире.

Социокультурные модальности и типичные паттерны конфликтного бытия представлены в зарубежных исследованиях по различным профилям и отличаются существенным многообразием. Например, архаические формы конфликтности рассматривают ученые североамериканской антропологической школы, в том числе А.Сойер, Д.Роув, Д.Уилли, А.Тоззерос, Х.Вон Уиннингос, Д.Кублерос, Д.Соустеллос, Д.Форд, Х.Убелод-Дюрнг, Д.Паддок, К.Леви-Стросс, М.Коваррубиас, К.Армстронг, Д.Джоралемон, П.Дрюкер.

Сербская научно-исследовательская традиция не является широко известной, но при этом имеет принципиальное значение для философской постановки вопроса о властном принуждении субъектов к неконфликтному существованию. Данная тематика фигурирует в работах Д. Михайловича, Н. Савича, В.Станковича Пейновича, Д.Станожевича, Д.Стояновича, Л. Миркова, Ж.Джурица, П.Тержича, Д.Траиловича, Д.Вучицевича, Д. Вукасовича, П.Матича, С.Рапаича, М.Цебаловича.

Проблема идеологического воздействия на конфликтное сознание, как правило, подвергается культурно-философскому анализу на основании теоретических подходов, сформировавшихся в так называемом открытом

западном обществе благодаря усилиям выдающихся мыслителей вроде К. Поппера, Х.Арендт, П.Химанена, К.Боулдинга, Г.Зиммеля, М.Кастельса, Ф. Фукуямы, М.Олсона, Д.Белла, Ж.Бодрийяра, Г.Маркузе.

Для эпистемологической полноты научного представления о конфликтной реальности необходимо также учитывать альтернативные концепции, отстаивающие ценности и идеалы закрытого, традиционного общества. В данной связи невозможно переоценить теоретический вклад в развитие темы конфликтности, который сделан северокорейскими политическими лидерами и ведущими теоретиками-идеологами, например, Ким Ир Сенем, Ким Чен Иром, Ким Чен Ыном, Ан Чхоль Ганом, Вон Чхун Гуном, Ёнг Фа, Ким Чи Хо, Ли Чон Чхором, Пак Чхун Водем, Чвэ Ын Оком. Разумеется, данный пласт знания о конфликтности в современном дискурсе необходимо подвергать критической рефлексии и воспринимать не в качестве допустимой технократической программы, а в качестве альтернативной эпистемологической модальности или нового типа социокультурной утопии.

Цель и задачи исследования. Главная цель работы состоит в том, чтобы провести комплексный и критический философско-антропологический анализ конфликта, с учетом экзистенциальной природы этого феномена и многообразия его проявлений в культурном дискурсе.

В соответствии с основной целью, в исследовании необходимо последовательно решить конкретные и взаимосвязанные задачи:

- провести сравнительный анализ исторических этапов развития философии конфликта;
- определить антропологические основания конфликтного бытия;
- охарактеризовать экзистенциальные особенности пребывания Я и Другого в конфликтной повседневности;
- проанализировать временные и пространственные рамки конфликтных модальностей;

- разработать методику эпистемологического структурирования философского знания о конфликте;
- выработать критерии оценки эффективности способов нейтрализации конфликтного бытия;
- раскрыть философское содержание фундаментальных и неклассических сценариев гармонизации конфликтной экзистенции;
- выявить антропологические и культур-философские характеристики термина «конфликтный паттерн»;
- констатировать значимость идентификационных, аксиологических и идеологических конфликтных паттернов в культур-философских модальностях.

Объектом диссертационного исследования выступает антропология конфликта в экзистенциальном и культур-философском ракурсе.

Предметом исследования являются фундаментальные свойства, особенности проявления конфликтов, а также основные методики и закономерности их разрешения в различных эпистемах.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые в рамках философской антропологии подвергается критическому анализу феномен конфликта. Наряду с этим, к элементам новизны исследования можно отнести следующие основополагающие положения:

- обоснована необходимость всестороннего использования термина «конфликт» в философской антропологии и философии культуры;
- осуществлен антропологический анализ фундаментальных экзистенциалов конфликтного бытия;
- выявлены характерные особенности конфликтного соприсутствия и сформированы эпистемологические априори конструирования знания о конфликтной самости;
- охарактеризованы пространственные и темпоральные атрибуты конфликта в антропологическом ракурсе;

- определен эпистемологический вектор построения знания о конфликтной реальности;
- отмечены и предложены фундаментальные эпистемологические программы нейтрализации конфликтного бытия;
- показано культур-философское различие между инновационными и традиционными методиками разрешения конфликтов;
- проведен анализ цифровых форм конфликтности в современном культурном дискурсе;
- подвергнуты анализу сущностные характеристики термина «конфликтный паттерн» и выявлены его базовые модусы в различных культурных вариациях;
- основательно изучены современные идентификационные, аксиологические и идеологические паттерны в конфликтной реальности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ноэмика конфликта не достигает уровня единства сознания с бесчисленными вариантами предметной направленности и не схватывает для Я чистую возможность узнавать себя в Другом. Ноэтика конфликта подразумевает осуществление перехода профильной аналитики на уровень систематической универсальности и обнаружения тотального единства всех составляющих элементов эпистемологической структуры.

2. В качестве фундаментальных антропологических оснований бытия я-в-конфликтности, содержащих в себе знание о специфике антагонистического соприсутствия Я и Другого следует определить единичное и всеобщее, признание Другого, сознание Я о конфликте с Другим и самосознание конфликтующего Еgo, зависть Я к Другому, невозможность взгляда на себя со стороны, коммуникация в конфликте, борьба Я и Другого, жертвенность бытия-в-конфликте, бифуркацию конфликтного бытия, реальность конфликта, страдание, предметность бытия-в-конфликте и насилие.

3. Конфликт относится к многообразию способов Я быть, то есть представляет собой умение экзистировать определенным образом.

4. Хронология предстает для Я и Другого как изменение и переход к иному способу быть в негативной повседневности. Первоначальная темпоральность имеет дело с фактичностью, находящейся за пределами взаимоотношения Я и Другого. Следующая фаза темпоральности – это время Я для себя и Другого. В эти моменты Я осознает себя через соприсутствие Другому и сигнализирует о начале координации двух противоборствующих субъектов в одном и том же событии, которое соотносится с каждым из них по отдельности и обоими вместе. Заключительная точка конфликтного события в темпоральном времени для Я и Другого предвосхищает возрождение изначально данного я-в-себе.

5. Основной методологический принцип современной философии конфликта необходимо определить так, чтобы знание об этом феномене было неразрывно связано с активностью субъекта, аккумулирующего и транслирующего это знание в пространстве и времени в рамках отдельно взятой культурной вариации. Итак, субъект конфликта не только творит конфликтный дискурс, но и надзирает за ним с позиции стороннего наблюдателя, призванного обеспечить формирование нового знания о причинах, формах и последствиях конфликтной борьбы.

6. Фундаментальные эпистемологические программы относятся к наиболее общим формам мысленно воображаемых или практически воплощенных алгоритмов, применяемых с целью изменения конфликтной ситуации посредством трансформационного воздействия на экзистенциалы соприсутствующей пары антагонистов Я-Другой. Инновационные эпистемологические программы предназначены для нейтрализации конфликтов в цифровом пространстве и предлагают альтернативные антропологические интерпретации традиционных терминов, в том числе «наказание» и «взгляд».

7. Конфликтные паттерны – это систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с априорной необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конflikте. Паттерны убедительно свидетельствуют в пользу метафизической устойчивости конфликтной реальности, так как позволяют обнаружить в основаниях повседневного бытия аподиктические характеристики, не подверженные изменениям на фоне периодического обновления эпистемологической структуры.

8. Конфликтные паттерны фигурируют во всех культурных модусах и отражают сущностные характеристики идентификационных механизмов я-в-конflikтности, а также указывают на аксиологические и идеологические компоненты в повседневном конфликтном сопричастии противоборствующих субъектов.

Методологическую основу исследования составили методы и технологии научного познания из области антропологии, эпистемологии, теории и философии культуры.

Авторская концепция сформулирована в строгом соответствии с фундаментальными положениями классических и современных теорий и подходов, разработанных в XX и XXI веке российскими и зарубежными философами. Особое значение уделяется экзистенциальной аналитике конфликтного бытия, основанной на идеях С.Кьеркегора, Э.Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П.Сартра. Социально-культурная проблематика в сфере конфликтного бытия анализируется по эпистемологическому лекалу, созданному М.Фуко.

В качестве вспомогательной методологии в ходе анализа таких элементов теории конфликта, как способы, инструменты, технологии его разрешения, автор использовал достижения и наработки смежных дисциплин, в том числе социальной философии. Антропологическая и культур-философская аналитика подчиняется общей логике конструирования системы философского знания о конфликте.

В ходе работы над диссертацией автор неукоснительно следовал базовым научным принципам, придерживаясь объективного, универсального метода исследования, основанного на аналитике достоверных и релевантных источников. Основные выводы и положения диссертации удалось сконструировать с помощью анализа и синтеза, формализации и конкретизации, редукции, индуктивно-дедуктивного метода. Инструментарий диссертационного исследования включает в себя антропологическую аналитику, примененную с целью философской проработки конфликтных экзистенциалов. Также автор всесторонне использовал потенциал культур-философского подхода для конструирования системы знания о конфликте в различных модальностях современной культуры.

Исследование конфликта с позиций антропологического и культур-философского анализа позволяет не только сконструировать эпистемологические структуры знания, но и позволяет выработать практические рекомендации по совершенствованию технологий конфликто разрешения с учетом меняющихся реалий и возникновения новых угроз.

Практические выводы диссертационного исследования построены на герменевтической методологии, а также подкреплены за счет использования дескриптивного инструментария непосредственного наблюдения за проявлениями идеологического воздействия в конфликтном дискурсе закрытого общества (на примере конфликтной реальности в КНДР).

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что на основании проведенного анализа сформированы предпосылки для автономизации теории конфликта от других отраслей философского знания. Раскрытие понятия конфликта через собственные категории, описание специфики экзистенциалов я-в-конфликтности, исследование проблематики пространства и времени в антагонистическом столкновении Я и Другого позволило выстроить эпистемологическую структуру знания о

конflikте. Дифференцирование различных конфликтных паттернов позволило показать то, каким образом экзистенция выражает себя в традиционных и неклассических эпистемах. Введенный и разработанный в исследовании термин «эпистемологическая программа» не только имеет важное методологическое значение для совершенствования структуры знания об этом феномене, но также может быть использован на практике в процессах предупреждения, урегулирования и разрешения противоречий в социальной, политической и экономической среде с учетом интенсивности процессов трансформации современного дискурса.

Результаты и материалы диссертации предназначены для использования в ходе преподавания теории конфликта в высшей школе, в том числе в ходе создания рабочих программ таких дисциплин, как теория и история культуры, философская антропология и имеют перспективу дальнейшего научного развития в рамках профильных исследований.

Практические аспекты урегулирования и прогнозирования, зафиксированные в ходе аналитики конфликтных паттернов, могут быть использованы при разработке образовательных стандартов в сфере менеджмента и государственного управления, а также при реализации силовых, посреднических и переговорных стратегий конфликто разрешения.

Апробация работы. Всего автором опубликовано 52 научные работы. Основные теоретические положения, результаты диссертационного исследования и выработанные на их основе практические рекомендации были представлены в 3 монографиях, 16 научных статьях из перечня российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание доктора и кандидата наук, а также в 20 публикациях, из которых 9 на английском языке в зарубежных журналах, сборниках научных трудов и опубликованных материалах конференций, рабочих сессий и круглых столов с международным участием.

Материалы диссертации были представлены на российских и зарубежных научно-исследовательских мероприятиях, посвященных обсуждению теоретических аспектов конфликто разрешения и выработке практических рекомендаций по конкретным проблемам в сфере предупреждения, урегулирования, разрешения конфликтов с учетом отечественного и международного опыта, среди которых: 7,8,9,10 сессия Комитета по развитию кадрового потенциала Всемирной таможенной организации, 2016-2019 гг. (Брюссель, Бельгия); рабочая сессия Всемирной таможенной организации, 2016 г., (Шанхай, Китай); конференция PICARD Всемирной таможенной организации, 2015 (Баку, Азербайджан); конференция PICARD Всемирной таможенной организации, 2016 (Манила, Филиппины); конференция «Международные торговые операции и стратегический баланс в Южно-Китайском море», 2017 (Канберра, Австралия); «Управление рисками в сфере разрешения современных экономических проблем», 2017, (Скопье, Северная Македония); «Роль человеческого капитала в проекте Один пояс – Один путь», 2018 (Скопье, Северная Македония); «Экономическая безопасность: вопросы упрощения торговли и безопасности», 2018 (Баку, Азербайджан); «Управление границами и вопросы безопасности», 2018, (Канберра, Австралия); «Корейский бизнес в мире современной глобальной экономики», 2018 (Санкт-Петербург, Россия).

Результаты исследований нашли применение при подготовке лекционных курсов и публикации учебно-методических пособий по менеджменту, истории, основам научных исследований, принятия решений, антропологии и государственного администрирования для студентов факультета государственного и муниципального управления, факультета экономики и финансов, факультета таможенного администрирования и безопасности Северо-Западного Института управления Президентской Академии, факультета менеджмента Китайской таможенной академии, студентов экономического факультета Университета имени святых Кирилла

и Мефодия в Скопье, студентов экономического факультета белградского Университета Сингидунум, студентов таможенного факультета австралийского Университета имени Чарльза Стёрта, студентов юридического факультета азербайджанской Таможенной Академии и студентов международного факультета тайского королевского Университета NIDA.

Апробация практических аспектов диссертационного исследования была осуществлена автором в ходе консультирования таможенных служб ОАЭ, КНР, Таиланда, Северной Македонии, Филиппин, Туниса и Азербайджана в качестве эксперта Всемирной таможенной организации и одного из разработчиков международного стандарта таможенного образования, включающего компетенции в области коммуникативных навыков и разрешения конфликтов.

Разработка темы диссертационного исследования производилась в рамках грантов: «Реформы и оценка эффективности государственного управления» (Заказчик – Государственный таможенный комитет Азербайджанской Республики, 2016 г.); «Точки бифуркации и напряжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Заказчик – региональный офис Всемирной таможенной организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2017 г.); «Инновационные технологии в системе высшего таможенного образования» (Заказчик – Всемирная таможенная организация, 2017 г.); «Критерии и методики оценки экономической целесообразности реформ в сфере государственного управления» (Заказчик – тайский королевский университет NIDA, 2017 г.); «Глобальные вызовы и угрозы в системе обеспечения безопасности цепи поставок» (Заказчик – Университет имени Чарльза Стёрта, 2018 г.); «Организация и проведение массовых спортивных мероприятий: вопросы безопасности» (Заказчик – Берлинская высшая школа экономики и права, 2018 г.); «Противодействие современному терроризму и консолидация международного сообщества» (Заказчик – университет имени святых Кирилла и Мефодия, 2018 г.); «Глобалистская культура и ее влияние

на развитие внешнеторговой деятельности» (Заказчик – Университет Сингидунум, 2019 г.); «Пакистанский коридор: альтернатива проекта «Один Пояс – Один путь» (Заказчик – Национальный университет современных языков в Исламабаде, 2019 г.); «Интеграционные процессы в социально-экономическом секторе: опыт балканских стран» (Заказчик – Университет Сингидунум, 2019 г.)

Структура диссертационного исследования обусловлена его главной целью и основными задачами и состоит из введения, 3 глав, каждая из которых включает в себя по 4 параграфа, заключения и списка использованной литературы (300 источников).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, обозначается состояние ее научной разработанности, определяются предмет, основные цели и задачи исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формируется общий замысел, артикулируемый в тексте.

В первой главе «Теория конфликта в философии, социологии и антропологии» исследуются возможности построения системы философского знания о феномене конфликта.

В первом параграфе **«Традиционная конфликтная аналитика: от нозмы к нозтике»** выстраивается хронология становления теории конфликта, начиная с традиционных подходов, заимствовавших методологию из смежных научных дисциплин, и заканчивая неклассическими концепциями, претендующими на обретение собственных аподиктических категорий системы знания о феномене «конфликт».

На начальном этапе развития теория конфликта руководствуется методологическими установками из области социологии и политологии. Социологические и политологические концепции находят отражение в структуре знания о феномене конфликта, определяемого как линейный

процесс, протекающий во времени последовательно и поэтапно, с целью осуществления захвата ресурсов и монополизации права их императивного распределения. Социологизм исследовательской установки конфликта дополняется психологическим инструментарием ноэтического постижения личностных переживаний Я и Другого в процессе столкновения и борьбы, что означает формирование знания о феномене конфликта на уровне раскрытия интенциональности в модусах достоверно-предположительного бытия и субъективно-временном наличии. Ноэтическая теория конфликта в превосходной степени осведомлена о своем предмете, его значимости и способности Я отвоевать ту или иную вещь у извечного антагониста – Другого. Смысл я-в-конфликтности не состоит в данном случае в единстве конфликтующего сознания с самим собой, но лишь фиксирует определенную направленность повседневных устремлений субъектов конфликта. Ключевой вопрос, ответ на который должна найти теория конфликта на данном этапе, формулируется ноэтически и сводится к тому, как следует конфликтовать. В этой сфере теория конфликта глубоко постигает исследуемый предмет, но не достигает принципиальной ясности относительно природы возникновения конфликтной экзистенции.

Резюмируя, эволюция теории конфликта начинается с заимствования терминологии из смежных дисциплин и накопления ноэтических знаний о конфликтном бытии, поэтому ранние исследования конфликта не выходят за рамки структурно-функционального подхода и отличаются дефицитом философской проработки сущностных аспектов конфликтного бытия.

Современная теория конфликта находится на переходном этапе развития и стремится аккумулировать дисперсные ноэтические представления о я-в-конфликтности в единую эпистемологическую структуру ноэтического знания. Ноэтический переход теории конфликта на уровень систематической универсальности и обнаружения тотального единства всех составляющих элементов предполагает устранение методического различия между Я и Другим за счет обретения знания о том,

как в принципе возможно соприсутствовать в конфликте и, соответственно, экзистировать за границами драматической цикличности извечного движения Я от в-себе к для-себя, возвращающего субъектов, выходящих за собственные рамки, на исходные позиции экзистенциального разочарования в мире и предельной неясности относительно своего места в архитектонике повседневной реальности.

Конструирование антропологии конфликта может существенно ускорить оформление эпистемологических контуров современной теории конфликта в статусе независимой отрасли философского знания.

Для осуществления этой цели во **втором параграфе «Антропологические основания бытия-в-конflikте»** представлен гносеологический анализ фундаментальных основ конфликтного бытия. В методологическом плане решение этой задачи предполагает выстраивание структуры знания о феномене конфликта на собственных аподиктических основаниях, которые имеют непосредственное отношение к конфликту и не могут быть вынесены за границы создаваемой эпистемологической сетки.

С философской точки зрения, изучение конфликтного бытия подразумевает рассмотрение соприсутствия Я и Другого в экзистенциальном ракурсе. Впервые антропологические основания конфликта проявляются в тот момент, когда исходное самосознание обнаруживается благодаря вызову, который поступает от Я к Другому и запускает эскалацию механизмов конфликтного соприсутствия в повседневности бытия. Философский импульс для размыкания собственного конфликтного бытия, инициированный работой самосознания по узнаванию себя в конфликтном соприсутствии, подкрепляется одобрением со стороны Другого, соглашающимся с обоснованностью притязаний соперника на совместное падение в повседневные реалии конфликтной экзистенции.

В основе эпистемологической сетки философии конфликта, наравне с субъектами, располагаются желания Я и Другого, обуславливающие их пребывание в конфликтном соприсутствии. В философском смысле

обоюдные стремления Я и Другого отрицать полноту наличествующего бытия ради перевода экзистенции в желательную модальность указывают на трансцендирование субъектов конфликта от мира, в котором для Я остается частица собственной самости, не обладающей желаемой вещью и уязвленной вызовом Другого сойтись в поединке и отказаться от гармонии повседневного бытия. Все конфликты с позиции антропологического подхода суть одно и то же в сфере имени дела с желанием субъекта заполучить в свое обладание некий предмет, потому что экзистенциальную неполноту Я, не получающего желаемого предмета в свое обладание, не должен созерцать Другой, более удачливый в аналогичном намерении утвердить собственное бытие. Следовательно, предмет конфликта в философском смысле не вполне достоверен, а скорее указывает на тождество желаний Я и Другого, не получающих удовлетворительного разрешения в конечной модальности повседневного конфликтного бытия.

В качестве одного из наиболее существенных антропологических оснований теории конфликта можно выделить невозможность субъекта обозревать себя со стороны. Неспособность найти за границами собственного сознания убедительные ответы на экзистенциальные вопросы побуждает Я устремиться к Другому в конфликтном порыве, хотя метафизически Другой не означает ничего более содержательного, чем невыносимость нахождения Я за границами представления о самом себе. Эпистемология конфликта фиксирует конфликтные устремления субъектов навстречу друг другу, накапливая знание о способах их объединения в аналитике конфликтного языка, и в этом плане общение Я и Другого наполнено антропологическим содержанием, поскольку бегущее от самого себя Я экзистенциально сопрягается с ранее несуществующим бытием на уровне хайдеггеровского экзистенциала «речь», открывая для исследовательского обозрения социокультурные пласты реальности, не известные ни одному из конфликтных субъектов до момента перехода экзистенции на уровень конфликтной повседневности. При этом разомкнутое бытие я-в-

конфликтности указывает теории конфликта на новые методологические затруднения, в частности, обнаруживая диспропорциональность выговариваемого и услышанного в конфликтном соприсутствии. Теоретической неясности в этом вопросе прибавляется от того, что говорящий всегда нацелен на будущее, как правило, моделируемое с целью вынесения за скобки неудовлетворительного настоящего. Слушатель, напротив, полагает, что имеет дело с прошлыми переживаниями и заданными символами конфликтной коммуникации. При таком положении дел неизбежен экзистенциальный разрыв, так как одно и то же высказывание для Я и Другого всегда эпистемологически дифференцируется в ракурсе нетождественности прошлого культурного опыта и темпоральности наступающего бытия.

С философской точки зрения, правомерно утверждать, что каждый конфликт фундируется насилием, поскольку не представляется возможным помыслить способы выражения конфликтного соприсутствия не насильственным способом. Я-в-конфликтности воспринимает повседневную реальность, заполненную агрессивными действиями Другого, как внешнюю проекцию реализованного интересубъективного потенциала деструктивного содержания. Субъекты конфликта а priori расположены к насилию, потому что иначе не смогли бы осуществить стремительный рывок за собственные границы и атаковать Другого. Следовательно, аподиктичность категории насилия для структуры знания о конфликте продиктована тем обстоятельством, что при условии отсутствия исходной агрессии в рамках экзистенциала «расположение» в перспективе не достигается разомкнутость конфликтного бытия.

Антропологические основания бытия-в-конфликте в методологическом ракурсе используются для формирования базовых кластеров эпистемологической структуры знания о конфликтном соприсутствии Я и Другого. Теория конфликта, выстроенная на экзистенциальном фундаменте,

может расширить горизонты собственных представлений о способностях Я экзистировать в столкновении с Другим.

В третьем параграфе «**Конфликтная экзистенция и самость**» проводится антропологическая интерпретация конфликтной экзистенции в ракурсе осуществления ноэтического перехода теории конфликта к философскому постижению самости.

Феномен «конфликт» относится к многообразию способов Я быть, то есть представляет собой умение экзистировать определенным образом. Соответственно, я-в-конфликтности в философском прочтении сводится к категориальному фиксированию вещей, относящихся к противостоянию Я и Другого в экзистенциальной модальности их бытия. В антагонистическом соприсутствии Я и Другой обоюдно соглашаются допустить возможность повстречать сущее за пределами их собственного мира, конститутивное для бинарной модальности бытия-в-конфликте. Поскольку субъекты конфликта наделены пространственными характеристиками, их положение в окружающем мире подчинено общим законам конфликтного экзистирования, то есть Я и Другой изменяются в собственных проявлениях через основные экзистенциалы в хайдеггеровском значении этого термина.

Аналитика конфликтной экзистенции открывает пути философского осмысления проблемы самости, то есть единичной экзистентной модальности как частного проявления всеобщих сущностных экзистенциалов. Для теории конфликта исследование самости начинается с постулирования тезиса о том, что в своей конфликтной экзистенции Я озабочено вытеснением пустоты антагонистическими взаимоотношениями с Другим, то есть ликвидацией последствий оторванности Ego от собственной самости. Конфликтная экзистенция позволяет Я обнаружить себя в столкновении с Другим, но не открыть собственную самость, а лишь увидеть себя-для-Другого. Экзистенциальная интерпретация конфликта строится на гипотезе о том, что погружение в собственную самость и воссоздание в ней своей самодостаточности недоступно для Я, хотя и желательно. Во

избежание фрустрации а priori недостижимой потребности, я-в-конфликтности вступает в борьбу, вытесняющую пустоту, следующую за невозможностью более выносить существование Я наедине с самим собой.

С позиции философского подхода, экзистировать в конфликте означает быть чужим для самого себя, точнее, той части нашей природы, которая претендует на возвращение к самодостаточности и стремится преодолеть отчаяние от постоянного ощущения неизбежной конечности нашей человеческой природы. Я-в-конфликтности экзистировать не трансцендентно по отношению к бытию-в-мире, но всякий раз погружается в переменчивую среду повседневного соприсутствия с Другим. Неизменно лишь то, что конфликтная экзистенция стремится обрести сама себя, но сперва искомая данность должна быть безнадежно утрачена. Вероятность обретения себя в антагонистическом соприсутствии всегда зависит от вероятности небрежного использования Другим той части Еgo, которая метафизически достается ему по итогам конфликта и является своеобразным барьером, разделяющим я-в-конфликтности и исходную самость Я, пребывающего в состоянии гармонии и покоя.

Самость для я-в-конфликтности выражается в неминуемом осознании безвыходности соприсутствия, то есть самосознание наполняется ощущением невозможности быть наедине с собой или вместе с Другим в состоянии гармонии и мира. В конфликтной экзистенции раскрывается исходная неполноценность Я, травмированного невозможностью присвоить себе окружающий мир, полностью удалив Другого за горизонты собственного бытия. В конфликте соприсутствие Я и Другого усиливается, но в случае разрешения текущего спора они начинают отдаляться и утрачивать представление о самих себе. Соответственно, в конфликте происходит идентификация себя через способность Я существовать в борьбе с Другим, но этот процесс требует абсолютной мобилизации внутренних сил и принуждения я-в-конфликтности устремляться к собственной самости в максимальной степени.

В заключительном параграфе первой главы «Время и пространство в конфликте» конфликтная экзистенция постигается в ракурсе протяженности и временности, то есть бытие Я и Другого предстает как темпоральное соприсутствие.

Темпоральность конфликтного бытия подразумевает наличие нелинейной формы соотношения Я и Другого в синхронном переживании конфликтного столкновения. Время в конфликте сперва предстает для Я и Другого как изменение предыдущего состояния и переход субъекта к качественно иному способу существования в конфликтной борьбе. Восприятие времени в этот момент всегда априорное, поскольку поводом для рефлексии выступает случайность в-себе, но уже свершившаяся. Следующая фаза темпорального времени осознается Я через соприсутствие с Другим и сигнализирует о начале координации двух противоборствующих субъектов в одном и том же событии, которое соотносится с каждым из них по отдельности и обоими вместе. Заключительная точка события в темпоральности конфликта предвосхищает возрождение изначального в-себе субъектов, но уже не в виде исходной фактичности, а в неопределенности бытия.

Пространство в конфликте – это совокупность возможностей для я-в-конфликтности быть таким образом, чтобы сохранить себя от вызовов со стороны Другого во всем многообразии потенциального утверждения собственного Я на доминирующих началах по отношению к исходному, неконфликтному состоянию. Иными словами, конфликтное пространство – это специфическая экзистенциальная модальность бытия-в-конflikте. В этом конфликтном пространстве Я относится к себе через свою же собственную экзистенцию в конфликте, поэтому реальность конфликта не состоит из уровней, расположенных в системе с вертикальной иерархией и в линейном времени, а проявляется в темпоральных измерениях, различающихся по отношению Я к Другому. Пространство, то есть мир, содержащий возможности для духовного самовыражения и насыщения тела

материальными благами, может конституироваться в трех основных модальностях: подчинения, восстания или компромисса между Я и Другим.

Во второй главе «Эпистемология конфликта» исследуются универсальные характеристики и общие закономерности философского знания о конфликте.

В первом параграфе «Методологические и теоретические основы эпистемологии конфликта» формулируются гносеологические априори постижения сущности конфликтного бытия.

Основной методологический принцип современной эпистемологии конфликта определяется таким образом, чтобы научные представления об этом феномене были неразрывно связаны с активностью субъекта, аккумулирующего и транслирующего свое представление о конфликтном бытии в пространстве и времени в рамках отдельно взятой культурной вариации. Современная теория конфликта осуществляет поэтапный антропологический разворот в сторону субъекта с целью закрепить за Я и Другим право соприсутствия на правах *homo cogito* по отношению к конфликтному бытию. В этом случае субъект конфликта не только создает конфликтную реальность, но и надзирает за ней с позиции стороннего наблюдателя, призванного обеспечить формирование нового знания о причинах, формах и последствиях конфликтной борьбы.

Эпистемология конфликта руководствуется принципом телесной интеграции субъекта в окружающий его мир. Понимание того, что мое тело принадлежит мне и может быть рассмотрено в целом и по частям, наводит Я на мысль о том, что восприятие окружающего мира подчиняется тем же законам. При этом познающий субъект захватывает собственное тело лишь под определенным углом зрения, но, несмотря на такое положение телесности в пространстве, самосознание усваивает, что тело всегда мое, хотя и не может быть охвачено взглядом полностью. Я-в-конфликтности делегирует функцию обозрения тела со стороны Другому и стремится отвоевать информацию о себе в ходе конфликтного соприсутствия.

В рамках эпистемологии конфликта принципиальное значение отводится проблеме свободного волеизъявления в ходе противоборства Я и Другого. Эпистемология конфликта разграничивает в конфликтном бытии вещи, принадлежащие непосредственно субъектам конфликта, а также элементы реальности, не зависящие в своем бытии от воли Я и Другого. В данной связи феномен конфликта предстает внутри эпистемологической сетки знания о самом себе в качестве целостного понятия. Для эпистемологии каждый акт воли, выраженный в конфликте, отражает стремление Я уничтожить Другого и присвоить себе объект его притязаний. Следовательно, оптимальный исход любого конфликта фиксируется в структуре знания как свидетельство о закреплении права Я или Другого на обладание предметом спора, поэтому идеальный антропологический результат конфликта выражается через предельный экзистенциальный опыт владения объектом, побудившим Я и Другого на конфликтное сопричастие.

Эпистемологическое обозрение феномена конфликта позволяет обогатить структуру профильного знания за счет принципиально новых терминов, дополняющих экзистенциальный инструментарий постижения сущностных аспектов конфликтного бытия эмпирическими обобщениями передового опыта нейтрализации враждебного сопричастия Я и Другого в современных культурных вариациях. В частности, высокий научно-исследовательский интерес представляет перспектива интегрирования содержательного смысла понятия «эпистемологическая программа разрешения конфликтов» в структуру знания о конфликтном бытии. Определение эпистемологической программы разрешения конфликтов может быть сформулировано как способ воздействия на конфликтную ситуацию, мотивированный способностью субъекта различать собственные возможности быть в конфликтном или бесконфликтном сопричастии в отношениях с Другим.

Эпистемологических программ существует бесчисленное множество, и каждая из них является потенциальной точкой бифуркации для новых вариаций, потому необходимо выявить и классифицировать основные алгоритмы снятия конфликтных противоречий в современном социокультурном дискурсе.

Во **втором параграфе «Фундаментальные эпистемологические программы»** рассматриваются наиболее общие формы воображаемых или практически воплощенных алгоритмов, применяемых с целью изменения конфликтной ситуации посредством трансформационного воздействия на экзистенциальное сопричастие Я и Другого в конфликте.

В соответствии со схемой, предложенной Хайдеггером, присутствию характерно определенное расположение, понимание себя, выговаривание и падение в мир. De facto конфликт относится к возможностям Я и Другого сопричастивать в обоюдном стремлении к снятию конфликтной ситуации посредством достижения своей цели и блокирования аналогичных намерений соперника. Следуя логике Хайдеггера, конфликт повествует о самом себе через собственное разрешение, устраняющее альтернативную конфликтную модальность на уровне четырех базовых экзистенциалов, то есть соответствующего расположения, понимания, речи и падения. Каждый фундаментальный экзистенциал в системе знания о конфликте сопрягается с базовым типом эпистемологических программ разрешения конфликтов.

Конфликтное расположение внутри фундаментальных эпистемологических программ всегда подразумевает настрой на определенное изменение форм конфликтного бытия в соответствии с устремлением Я оптимизировать собственную экзистенцию. Фундаментальная эпистемологическая программа формирования и снятия конфликтного расположения фактически представляет собой хитроумную манипуляцию, направленную на замену предметного страха Я перед настоящим неопределенной тревогой будущего сопричастивания с Другим.

Понимание в конфликте означает способность Я отчетливо различать и определять специфику произошедших в ходе столкновения с Другим событий. Исходя из конфликтного расположения, Я выходит из состояния не-конфликтности и начинает замышлять против Другого сценарии его изничтожения, реализуя таким образом свой мыслительный потенциал. Фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения синтезируют знание о специфике мышления в конфликте вообще и трансформациях повседневного понимания в стремлении Я подавить волю Другого в противоборстве с ним.

Присутствие, настроившее себя на конфликт с Другим и осознавшее неизбежность вступления в борьбу, заявляет о себе и собственных намерениях через конфликтную речь. Соответственно, фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения имеют дело со специфическими возможностями Я быть в конфликтности собственной речи и соединяют в единую структуру знания сказанное Я в конфликте и услышанное от Другого, причем изначально оба антагониста имеют о самих себе крайне смутное представление. Для теории конфликта существенное значение имеет фиксация того, что через экзистенциал «конфликтная речь» локализуется, и темпорализуется смысл, побуждающий Я атаковать Другого.

Практические аспекты реализации фундаментальных эпистемологических программ, ориентированных на изменение модальностей конфликтной повседневности, отличаются предельным многообразием, поэтому эпистемология фокусируется на универсальных тенденциях практики конфликто разрешения в современном мире. Фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения, сфокусированные на трансформации повседневного конфликтного бытия в мирные формы сосуществования Я и Другого, исходят из идеи о принципиальном различии способов Я быть в различных культурных вариациях и развивают идеи дифференцированного социокультурного подхода постижения сущности конфликта. Фундаментальные программы

разрешения конфликтов при условии их дальнейшего изучения и углубленной теоретизации могут стать научно-исследовательской платформой для интеграции в единую эпистемологическую структуру разобщенных элементов системы эмпирического знания о современных механизмах нейтрализации конфликтного соприсутствия Я и Другого в социокультурном дискурсе XXI века.

В третьем параграфе «Эпистемологическая программа «Цифровой вуайеризм» проанализированы основные эволюционные тенденции в области практического использования алгоритмов нивелирования остроты конфликтного бытия в социокультурных реалиях XXI века.

Электронизация конфликтного бытия проявляется на повседневном уровне виртуального соприсутствия в различных формах вытеснения реального соперничества субъектов конфликта технологиями виртуального подглядывания неудачливого Я за достижениями Другого.

Эпистемологическая программа разрешения конфликтов «Виртуальный вуайеризм» основывается на трактовке феномена «взгляд», предложенной Ж.-П. Сартром. Взгляд или рассматривание – это не что иное, как попытка увидеть себя в отражении, сквозь призму постигаемого объекта. Иначе говоря, фокусируя свое внимание на Другом, мое собственное существование становится более реальным и прослеживается отчетливее по мере проникновения Я в рассматриваемую вещь. Вуайерист совмещает свое собственное рассматривание некоторого объекта и неосязаемый, но столь важный встречный взгляд Другого, предстающего в столь желаемом образе, который вглядывающееся Я стремится присвоить, сделать своим, отождествить с собственным бытием.

Эпистемологическая программа «Цифровой вуайеризм» формирует у я-в-конфликтности, выключаемого из социальных реалий, специфические альтернативные ценности подглядывателя. Блуждающий цифровой взгляд не может остановиться в переключении с объекта на объект и при этом не фокусируется на себе, возвращаясь от рассматриваемого Другого к

вглядывающемся Я. В результате такого взгляда Я не обретает ясного представления относительно искомой ценности либо убеждается в неизбежном обесценивании себя и превознесении Другого в искаженных реалиях повседневного бытия.

Центральный функциональный механизм эпистемологической программы разрешения конфликтов «Виртуальный вуайеризм» относится к наиболее востребованным продуктам современной постиндустриальной эпохи и проявляется в стимулировании и поощрении Я и Другого на созерцание результатов чужой активности в виртуальной реальности с целью вытеснения интереса субъекта к достижению высоких результатов в реальной жизни.

В четвертом параграфе «Эпистемологическая программа «Виртуальное изгнание» рассматриваются культурфилософские модальности пенитенциарной практики в XXI веке и анализируются современные механизмы принуждения Я и Другого к неконфликтному соприсутствию.

В современном конфликтном дискурсе традиционные интерпретации наказания провинившихся в ходе столкновения и борьбы субъектов утрачивают актуальность. Эпистемология конфликта устанавливает новые рамки содержательного смысла понятия «наказание», означающего действие рациональной природы, нацеленное на устранение деструктивных проявлений свободы личности на виртуальном коммуникативном пространстве, следствием которых являются интересубъективный отрицательный опыт и деформация нормативных основ существования электронного сообщества.

Эпистемологическая программа разрешения конфликтов «Виртуальное изгнание» накапливает знание о трех измерениях современной методики наказания субъекта. Во-первых, реальность для я-в-конфликтности, изгнанного за пределы дискурса, отныне скрыта за знаком, указывающим на фактичность произошедшего и несбыточность претензии на обретение

собственной целостности, преследуемой в качестве одной из основных целей в конфликтном соприсутствии. Во-вторых, внутримирная данность Другого ослабевает, поскольку исчезает второй субъект конфликтного бытия. Негация оппонента переживается субъектами болезненно в экзистенциальном смысле, поскольку потребность в самовыражении перед виртуальным оппонентом подвергается фрустрации на виду у электронного сообщества. В-третьих, Другой вследствие примененного наказания приобретает статус изгнанника и вынужденно осваивает новый способ экзистирования.

По итогам наказания в виртуальном мире изгнанный за его пределы субъект конфликтного соприсутствия начинает творить альтернативную реальность собственного бытия, эпизодически возвращаясь в дискурс в новом качестве, поэтому метафизическое содержание эпистемологической программы конфликто разрешения «Виртуальное изгнание» характеризуется контрадикторностью и требует дальнейшей теоретической проработки в рамках профильных исследований.

Конструирование системы знания о конфликте с позиций антропологии и эпистемологии не достигает цели по созданию цельной научной структуры в случае изолированного использования гносеологического инструментария.

В третьей главе «Конфликтные паттерны» доказывается целесообразность использования термина «паттерн» в эпистемологической сетке теории конфликта.

В первом параграфе «О понятии «конфликтный паттерн» формулируется определение и рассматриваются основные критерии паттерна в антропологическом и эпистемологическом ракурсах.

Предметная область таких понятий, как «паттерн», «модель», «шаблон» и «алгоритм», существенно различается в экзистенциальном ракурсе исследования я-в-конфликтности.

С философской точки зрения, термин «модель» указывает на то, что конфликтующие субъекты соприсутствуют в упрощенной реальности, где не

происходит увеличения исходных значений показателей сходства и различия между объектами. Соответственно, в моделях конфликтной реальности копируются предметы духовной или материальной природы и при необходимости происходит замещение вещей, а также поведенческих модальностей на аналогичные данности.

При этом в моделируемой конфликтной реальности не придается решающего значения расчетам вероятности проявления основных элементов в альтернативных структурах негативных взаимоотношений Я и Другого. Напротив, паттерн имеет дело не с категориями реального и кажущегося для я-в-конфликтности, а выражает закон повторяемости явлений конфликтного бытия. В данной связи представляется справедливым утверждать, что сущностные характеристики термина «паттерн» связаны с необходимостью систематического выражения закономерностей конфликтного соприсутствия в различных культурных вариациях.

Различие терминов «паттерн», «шаблон» и «алгоритм» для теории конфликта состоит в том, что шаблон предполагает воссоздание одинаковых объектов, в то время как паттерн отражает не идентичные, а схожие проявления конфликтного бытия в различных культурных вариациях. Соответственно, понятие «алгоритм» относится к практическому полю деятельности и указывает на возможности нейтрализации конфликтной ситуации в соответствии с наличествующими субъективными представлениями о вариантах гармонизации негативного соприсутствия Я и Другого.

Конфликтный паттерн – это систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с метафизической необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конфликте. Паттерны убедительно свидетельствуют в пользу метафизической устойчивости конфликтной реальности, так как позволяют обнаружить в основаниях повседневного бытия аподиктические характеристики, не подверженные

изменениям на фоне периодического обновления эпистемологической структуры.

Ключевая характеристика термина «паттерн» состоит в непреложном повторении системообразующих элементов конфликтной реальности. В теории конфликта паттерны, по аналогии с точными науками, представляют собой устойчивые закономерности, но в определенных случаях также могут ассоциироваться с принципами самоорганизации.

Наряду с повторяемостью, к фундаментальным характеристикам паттерна относится принцип организованности. Принципиально важно, что по отдельности повторяемость и организованность не являются достаточными научными свидетельствами о наличии паттерна.

Конфликтные паттерны фигурируют во всех культурных модусах и отражают сущностные характеристики идентификационных механизмов я-в-конфликтности, а также указывают на аксиологические и идеологические компоненты в повседневном конфликтном сопричастии противоборствующих субъектов.

Во **втором параграфе «Идентификационные конфликтные паттерны»** рассматриваются механизмы формирования самосознания я-в-конфликтности посредством отчуждения у Другого права на обладание материальной или духовной ценностью.

Экзистенциальная фундаментальность идентификационных конфликтных паттернов состоит в том, что Я и Другой всегда начинают конфликтное сопричастие с узнавания себя в качестве субъектов, настроенных на противоборство с оппонентом. Соответственно, повторяемость идентификационных конфликтных паттернов будет происходить с метафизической необходимостью вне зависимости от социокультурной специфики дискурса.

Конфликт в архаических культурах практически всегда находится в системе координат линейного мышления, упорядоченных по бинарному принципу. Архаические паттерны для субъекта конфликтного

взаимодействия означают решительный разрыв с идентификациями тотемного прошлого из тех времен, когда предки отождествлялись с животными. Экзистенциальное разграничение собственных границ и мира зверей позволяет Я отчетливее узнавать себя в Другом, не находясь при этом в зависимости от анималистских идентификаторов.

В античности идентификационные паттерны я-в-конфликтности выражаются в виде агона между двумя гражданами полиса или конфликтным соприсутствием с варварскими народами за пределами цивилизованного мира. Идентификационные конфликтные паттерны в античности ограничены рамками определения того, что такое общество и гражданин, при этом равному полагается воздавать равное, а роль и функциональное предназначение раба состоит в выполнении физической работы, высвобождающей творческий потенциал свободных граждан.

Конфликтные паттерны в Средневековье отражали глобальные социокультурные изменения, произошедшие под влиянием принципиально новых по отношению к античной эпохе идей. Прежде всего, субъект изменил центральное положение в мировоззренческой картине на второстепенное и безусловно греховное бытие, разумеется, в интерпретациях, относящихся к западноевропейской культуре. В терминологии Фромма этот период может быть обозначен как бегство от свободы, в том числе отказ Я от права на самоопределение я-в-конфликтности.

Сфокусированность на субъекте в эпоху Возрождения сформировала идентификационные конфликтные паттерны таким образом, что сущность противоборства Я и Другого можно выразить с помощью формулировки «Я конфликтую. Конфликтую Я». Эта дефиниция в теории конфликта выходит за рамки случайности, но является эпистемологическим ориентиром Ренессанса. Самосовершенствование как движущая сила эпохи Возрождения в конфликте заявляет о себе через идентификационные механизмы, поскольку Я старается не только превзойти Другого лично, а не опосредованно, но и встать на его место, превзойти любые формы

самовыражения Другого собственными альтернативными сценариями более высокого порядка.

В индустриальную эпоху материальная и техническая база функционирования общественного механизма достигают невиданного ранее уровня. Новые источники дохода, колоссальные финансовые потоки, инновационные формы ведения бизнеса сформировали качественно иной тип личности и мышления. Под влиянием этих процессов идентификационные паттерны я-в-конфликтности в социокультурном дискурсе приобрели прямую зависимость от темпов накопления богатства и стали отражать стремление капитала к увеличению собственного объема.

В эпоху глобализма изменения идентификационных паттернов связаны с вытеснением из культурного пространства субъектов большинства религиозных установок и подрывом основ духовности бытия. Идентификация Еgo в конфликтных ситуациях в эпоху глобализма в меньшей степени зависит от сакральных ценностей, поэтому идейная целостность Я и Другого сменяется дисперсией субъективности.

В третьем параграфе «Аксиологические конфликтные паттерны» исследуется повседневное бытие Я и Другого как систематическое проявление ценностных установок, экзистенциально располагающих субъектов к соприсутствию в конфликтной реальности.

Аксиологические конфликтные паттерны могут быть эпистемологически зафиксированы в трех основных социокультурных измерениях или, в философской терминологии, постигнуты через тройственную форму выражения конфликтной экзистенции в повседневном бытии. Соответственно, значимость аксиологических конфликтных паттернов в эпистемологической сетке теории конфликта состоит в том, что исследование динамики проявления и раскрытие сущностных характеристик паттернов позволяют выявить и познать универсальные закономерности, мотивирующие Я и Другого отстаивать значимые для них ценности в конфликтном соприсутствии. С другой стороны, эпистемологическая

полезность знания об аксиологических конфликтных паттернах подкрепляется высокой потребностью современного общества в использовании научного знания для нейтрализации и ограничения деструктивного потенциала идей, провоцирующих Я и Другого на обоюдные враждебные действия. Также изучение аксиологических конфликтных паттернов может быть использовано для повышения эффективности прогнозирования в области динамики конфликтных процессов и оценки их воздействия на трансформационные процессы в культурном и политическом дискурсах.

Аксиологические конфликтные паттерны отражают представления субъектов о принципиально значимых мотивирующих причинах для вступления в борьбу с противником. В эпистемологическом плане структура знания о ценностях субъектов в конфликте объединяет теоретические умозаключения и практические рекомендации из таких информационных областей, как методики наставления Ego на духовный путь; варианты систематизации убеждений субъекта в соответствии со спецификой централизованной идеологической оси; технологии мотивации широких слоев населения на участие в конфликтных столкновениях; алгоритмы обеспечения идеологического доступа к чувственному, а не рациональному восприятию субъектов.

Аксиологические паттерны в современном конфликтном дискурсе отражают общую тенденцию движения широких масс в направлении, заданном ценностными указателями общества потребления. Механизмы локализации конфликтности и подавления желания Ego осуществить выход за рамки установленных в ценностной системе ограничителей отражаются в аксиологических паттернах в виде ценностных категорий нормальности и успеха. Логика успешности в современном культурном дискурсе навязывает Я и Другому ценностную установку, предписывающую необходимость всенепременно добиться максимального удовлетворения жизненных потребностей в люксовом сегменте потребления.

Изменения в культурном дискурсе, возникающие вследствие переосмысления субъектами конфликта исходных ценностных установок и утверждения Я и Другим новых аксиологических ориентиров в постконфликтном соприсутствии, не относятся к необратимым социальным явлениям. Аксиологический паттерн беспристрастно отражает сущность механизмов нейтрализации конфликтного бытия в зависимости от исходной культурной данности и конечных целей управленческого воздействия на конфликтное соприсутствие. При этом аксиологические конфликтные паттерны содержат информацию о циклических движениях повседневного бытия я-в-конфликтности от традиционных ценностных установок на конфликтное соприсутствие в сторону инновационных механизмов вражды с Другим и последующего возврата Еgo к исходным убеждениям. Следовательно знание о ценностном аспекте конфликтного прогнозирования оказывается полезным в прикладной сфере прогнозирования динамики конфликтности.

В четвертом параграфе «Идеологические конфликтные паттерны» анализируются формы идеологического воздействия на субъекты конфликта в социокультурном дискурсе XXI века.

Идеологический паттерн отражает актуальную мировоззренческую установку Я и Другого, но не фиксирует частные убеждения, а подразумевает наличие системы взглядов, навязываемой коллективному Еgo в качестве правильной жизненной установки и соответствующих ориентиров. В эпистемологическом смысле идеологические конфликтные паттерны указывают в непрерывном потоке конфликтного бытия на механику формирования коллективного мнения по принципиальным вопросам ориентирования субъектов в социокультурном пространстве.

В современной структуре знания об идеологических конфликтных паттернах преобладают элементы, содержащие информацию о системе представлений и убеждений, сформированной под влиянием всемирной экспансии глобалистской культуры. Контрадикторность идеологических

паттернов в эпоху глобализации состоит в том, что провозглашенное стремление к экономическому равенству в мировом масштабе не обязательно предполагает, что после наступления золотого века человечества каждый индивид получит свободный доступ к источнику процветания и изобилия.

На примере анализа влияния идеологического конфликтного паттерна в закрытом обществе эпистемология интегрирует в единую структуру комплексные информационные сведения о закрытом типе общественной системы, а также аргументирует тезис об универсальных механизмах существования конфликтных паттернов. Идеологический паттерн в закрытом обществе отражает стирание для я-в-конфликтности границы между реальным и кажущимся, указывает на нарушения в массовом сознании цельности представления о добре и зле и свидетельствует о формировании общества с высокой степенью неприязни по отношению к внешнему миру, который редуцируется в своем изначальном многообразии до источника опасности. В то же самое время общество закрытого типа с военизированной идеологией соответствует критериям благополучного развития для страны третьего мира, зафиксированным в глобалистской догматике. В данной связи теория конфликта может претендовать на многогранное эпистемологическое постижение конфликтности, выстраивая знание о конфликтном соприсутствии Я и Другого в разветвленную эпистемологическую сетку. Принципиально важно отметить, что философское постижение сущности идеологических паттернов предполагает возможность обозревать этот феномен с разных точек зрения, не впадая в зависимость от доминирующей парадигмы. Социальная и духовная природа идеологического воздействия на массовое сознание чутко реагирует на факторы, детерминированные переходом современного общества к цифровой экономике и постиндустриальным реалиям культуры.

Концептуализация идеологических паттернов позволяет осуществить антропологический поворот теории конфликта, то есть переориентироваться на субъекта и решить такие научно-исследовательские задачи, как изучение

роли идеологии в процессе формирования у индивидов представления о своем месте в мире, а также освоить эффективное использование конфликтного потенциала идеологической обработки населения с учетом актуальных закономерностей социокультурного генезиса. При этом в современных конфликтных паттернах существенно различается индивидуальная свобода выбора между приемлемыми формами конфликтности. Парадоксальным образом постиндустриальный конфликтный дискурс в высшей степени зависит от интенсивности коммуникационного сообщения.

В заключении подводятся итоги, формулируются основные результаты, делается обобщающий вывод, что феномен конфликта имеет фундаментальное значение для антропологии и философии культуры и нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении.

Основные положения диссертационного исследования представлены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в список рецензируемых журналов ВАК РФ:

1. Кабылинский Б.В. О прикладном характере эпистемологической методологии (на примере деятельности Федеральной таможенной службы России)//Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017, № 8. – С.41-43.

2. Кабылинский Б.В. Идеологический ракурс современной конфликтной реальности в закрытом обществе: северокорейский кейс// - Дискурс, 2020 Том 6, № 1. – С.38-48.

3. Кабылинский Б.В. О потенциале эпистемологического подхода в современной теории конфликта//Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2017, № 3. – С.150-155.

4. Кабылинский Б.В.//Бегство от конфликта в «Книге непокоя» Ф. Пессоа//Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. – 2017, Том 18, Вып.3. – С.361-367.

5. Кабылинский Б.В.//Тотемы-символы в изобразительной традиции народов доколумбовой Америки: конфликт или гармония?//Культура и искусство. – 2020, № 7. – С.1-12.
6. Кабылинский Б.В. К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн»//Дискурс. – 2020, № 4. – С.17-23.
7. Кабылинский Б.В. Дискурс о медиумах (проблема человека в аспекте конфликтной реальности)//Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020, № 2 (27). – С.25-28.
8. Кабылинский Б.В. Культурная идентичность и конфликтные модальности//Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020, Том 9. № 3А. – С.216-225.
9. Кабылинский Б.В. К вопросу о межкультурной не-конфликтности в искусстве (на примере Гандхары)//Евразийский юридический журнал. – 2020, № 7. – С.477-479.
10. Кабылинский Б.В. Эпистемология конфликта в системе философского знания//Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020, № 5. – С.56-69.
11. Кабылинский Б.В. Коммерческая репрезентация истуканов острова Пасхи в конфликтном ракурсе//Аспирантский вестник Поволжья. – 2020, Вып.3-4. – С.5-10.
12. Кабылинский Б.В. Электронная агора и постсовременный конфликтный дискурс//Евразийский юридический журнал. – 2020, № 8. – С.425-428.
13. Кабылинский Б.В. Фундаментальные эпистемологические программы конфликтной теории//Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020, № 4. – С.5-19.
14. Кабылинский Б.В. Время и конфликт: эпистемологические и антропологические аспекты//Известия Национальной Академии наук Таджикистана: Отделение общественных наук. – Душанбе, № 2, 2021.

15. Кабылинский Б.В. Предметность бытия как фактор конфликта: философско-антропологический ракурс//Евразийский юридический журнал. – 2021, № 5. – С.503-505.

Монография по теме диссертации:

17. Кабылинский Б.В. Конфликт и культура: социально-философский анализ. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 138 с.

Другие публикации автора по теме диссертационного исследования, опубликованные в списке рецензируемых журналов ВАК по другим научным специальностям:

18. Кабылинский Б.В. Закрытое общество и конфликт в королевстве Бутан: путь громового дракона//Этносоциум. – 2017, № 9. – С.142-148.

19. Кабылинский Б.В. Политическая культура и социальный конфликт в КНДР: идеология. Часть I.//Власть. – 2017, № 7. – С.178-182.

20. Кабылинский Б.В. Политическая культура и социальный конфликт в КНДР: военная доктрина. Часть II.//Власть. – 2017, № 8. – С.174-178.

21. Кабылинский Б.В. Политическая культура и социальный конфликт в КНДР: общество. Часть III.//Власть. – 2017, № 9. – С.133-138.

22. Кабылинский Б.В. Конфликт и культура: к вопросу об эффективном управлении//Управленческое консультирование. – 2017, № 17. – С.119-125.

23. Кабылинский Б.В. Аксиологические паттерны в современной конфликтной реальности//Этносоциум. – 2020, № 1. – С.48-54.

24. Кабылинский Б.В. Моаи острова Пасхи: отголоски конфликтов былых времен//Миссия конфессий. – Том 9, Часть 5, № 46. – С.509-513.

25. Кабылинский Б.В. Неконфликтные напевы в божественном мотиве «Бхагават-Гиты»//Миссия конфессий. – 2020, Том 9, Часть 1, № 42. – С.97-103.